Трунов Ф.О.¹ ©, 2020

Изменение роли ФРГ в Европе и мире в реалиях новой холодной войны: Политико-военное измерение

Аннотация. Объединившаяся Германия существенно увеличила свое влияние на мировой арене после окончания «классической» холодной войны. Автор ставит вопрос о том, приведет ли новая холодная война к ограничению роли ФРГ в Европе и мире (по модели 1960–1980-х годов, когда Боннская республика оказалась в положении ведомой «старшими партнерами» по НАТО) или, напротив, создаст для Германии «окно возможностей». Ключевыми методами исследования являются сравнительный и ивент-анализ.

С 2018 г. Германия стала наращивать военный потенциал, в том числе все количественные параметры бундесвера. Отмечается, что этот процесс носит долгосрочный характер с четким разделением на три этапа до начала 2030-х годов. Рост числа соединений и частей бундесвера сопровождается их реорганизацией и глубокой модернизацией. Германия стремится стать «рамочным государством» в деле комплектования сил быстрого реагирования и сил передового развертывания НАТО, а также группировок войск общего назначения НАТО в Европе. Одновременно ФРГ продолжает играть значимую роль и в деятельности миссий (по миротворчеству и поддержанию мира, военно-тренировочных) вне зоны ответственности Альянса, в том числе под эгидой

¹ Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, старший научный сотрудник ИВИ РАН (1.trunov@mail.ru).

ООН и ЕС. Реализация этих мер будет способствовать укреплению позиций Германии как параллельного США центра притяжения в НАТО и в евро-атлантической региональной подсистеме в целом.

В этой связи исследуется степень координации усилий ФРГ с США в области урегулирования основных вооруженных конфликтов и кризисных ситуаций. Прослеживаются тенденции запараллеливания усилий обеих стран с элементами конкуренции (Украина, Мали / Нигерия), а также увеличения самостоятельности Германии (Афганистан, Сирия, Ливия, Венесуэла).

Делается вывод о том, что ФРГ способна успешно расширять свое влияние в реалиях новой холодной войны как в Европе, так и в мире.

Ключевые слова: Германия, холодная война, бундесвер, НАТО, Европа, вооруженные конфликты, США.

С 2014 г. отношения России и коллективного Запада вступили в затяжную стадию стратегической взаимной потери доверия. Автор солидарен с широким кругом отечественных и зарубежных исследователей, считающих, что данное состояние отношений можно считать новой холодной войной. Безусловно, она существенно отличается от «классической» по ряду характеристик, в первую очередь количественных. Так, зонами конфронтации России и Запада к концу 2010-х годов выступали Европа, Арктический регион, Ближний Восток, а также северная часть Африки¹, Латинская Америка, в то время как противостояние «классической» холодной войны охватывало де-факто все континенты. Существенно видоизменились масштабы и содержание ресурсной базы каждой из сторон (кроме того, их баланс изменился в пользу Запада), сократились военные потенциалы (в случае сил общего назначения – на порядок). Но, во-первых, это отнюдь не снижает остроты противостояния по сравнению с периодом «классической» холодной войны; во-вторых, современное (де-факто третье по счету²) ее «прочте-

¹ Имеется в виду не только Северная Африка, но также Сахаро-Сахельский регион и Африканский Рог.

² Первое «прочтение» холодной войны охватывает временной отрезок от ее начала (1946) до начала периода разрядки (начало 1970-х годов); второе – с кон-

ние» имеет в сущности почти такой же набор измерений, как и первые два: общеполитическое, военное (в т.ч. военно-технологическое), экономическое; на смену идеологическому пришло близкое к нему ценностно-информационное.

Новая холодная война становится одним из магистральных процессов упорядочения международной системы (т.е. формирования миропорядка), характеризующегося изменением роли и места большинства ведущих игроков. В этой связи особый интерес представляет пример ФРГ. В реалиях постбиполярного мира Германия оказалась едва ли не единственной западной державой, чьи ресурсная база и роль на мировой арене существенно возросли после окончания «классической» холодной войны. В период холодной войны Боннская республика была в положении «ведомой», т.е. находилась в зависимости от других западных держав (США, Великобритании, Франции). Особенно явно это проявлялось в военно-политической сфере – в отличие от вооруженных сил «старших партнеров», бундесвер в принципе не использовался за пределами традиционной зоны ответственности НАТО, будучи целиком «заточен» на обеспечение территориальной обороны.

Таким образом возникает вопрос: станет ли новая парадигма холодной войны сдерживающим (или даже ограничивающим) фактором для дальнейшего роста германского влияния или, напротив, создаст для него дополнительное «окно возможностей»? *Задачей* настоящей статьи является попытка ответить на данный вопрос применительно к политико-военной области, при этом особое внимание уделено анализу нынешнего и перспективного характера взаимоотношений ФРГ с действующим лидером Запада – США, а также оценке амбиций Германии как полновесного глобального игрока и возможностей для их реализации. Ключевыми *методами* исследования избраны ивент-анализ и сравнительный анализ.

Современные зарубежные (в первую очередь английские, американские и германские) и отечественные исследователи создали определенный задел в изучении обозначенной проблематики

ца 1970-х годов до конца 1980-х годов. В этой связи современную холодную войну целесообразно считать «третьим прочтением».

(см.: [Daniels, 2018; Glatz, Zapfe, 2017]). Однако динамика развития ситуации – появление новых и трансформация имеющихся факторов, влияющих на внешнюю политику ФРГ, изменения в ее внутриполитической обстановке, а также новые шаги, которые предпринимает Германия, – реактуализирует вопрос о перспективах и роли страны на мировой арене в реалиях новой холодной войны.

В настоящей статье основное внимание уделено действиям официального Берлина на двух географических направлениях – в Европе и территории «третьих стран».

Военно-политическая линия ФРГ в Европе в условиях новой холодной войны

При переходе отношений Запада и РФ в стадию конфронтации перед ФРГ встал вопрос о наращивании усилий в Европе в рамках НАТО. В этом процессе (применительно ко всем странам – участницам блока), по мнению автора, уместно выделить два основных направления:

- создание и увеличение сил передового развертывания (СПР) (особенно их наземной компоненты) и военной инфраструктуры в Восточной и Северной Европе;
- наращивание потенциала войск под командованием штабных структур НАТО (или войск, которые в случае необходимости могут быть оперативно переведены под это командование) в глубине территорий стран – участниц блока – в первую очередь, имеющихся в виду силы быстрого реагирования (СБР) НАТО.

В середине – второй половине 2010-х годов скорость и масштаб действий Германии по первому направлению оказались существенно ниже, чем по второму. Чем объяснялась эта разница?

Очевидно, ФРГ стремилась избежать неконтролируемой эскалации напряженности с РФ, которая могла быть чревата переходом холодной войны в «горячую» с катастрофическими последствиями для всех сторон. Так, в 2014–2015 гг. Германия, в отличие от США, не принимала участия в развертывании ротационного наземного военного присутствия в Восточной Европе. Более того, даже по сравнению с Францией и Великобританией (не говоря уже о Соединенных Штатах) ФРГ минимизировала свое участие в воен-

но-тренировочной деятельности блока вблизи восточной границы зоны ответственности НАТО.

Качественные изменения в позиции ФРГ обозначились с 2016–2017 гг. Так, одобрив на Варшавском саммите Альянса (8–9 июля 2016 г.) решение о развертывании четырех батальонных тактических групп (БТГ) в странах Балтии и Польше (РП), официальный Берлин с января 2017 г. начал комплектовать «рамочную основу»¹ БТГ в Литве. Для этого бундесвер выделил штаб и 450 военнослужащих (при общей численности БТГ в 1,1 тыс. человек) [Stöber, 2017]. Бундесвер принял достаточно ограниченное участие в масштабных учениях «Anaconda 16» (7–17 июня 2016 г.) в Польше, главной целью которых де-факто являлась отработка развертывания второго стратегического эшелона НАТО, прибывавшего с территории и из портов ФРГ в восточные воеводства РП. Так, при общей численности участников учений в 31 тыс. военнослужащих США выделили 14 тыс., Польша – 12 тыс., Великобритания – 800, а Германия – менее 400 [Smith, 2016]. Официальный Берлин (в отличие от США и Франции) отказался от направления своих подразделений на учения «Aurora 17», проводившиеся вооруженными силами условно нейтральной Швеции в сентябре 2017 г. [Aurora 17..., 2017].

Совершенно иным оказался вклад бундесвера в проведение учений «Trident Juncture 18» (25 октября – 7 ноября 2018 г.) в северной части Норвегии (губерния Финнмарк) и прилежащих акваториях Северного Ледовитого океана с участием 50 тыс. военнослужащих. «Trident Juncture 18» стали наиболее масштабными военными тренировками после окончания «классической» холодной войны, уникальными с точки зрения района проведения – приарктического (причем глубокой осенью), где сложность использования и, соответственно, боевая ценность отдельного подразделения в 4–10 раз больше, чем в «традиционных» европейских условиях. И в этом случае целью учений была отработка развертывания второго стратегического эшелона (перебрасываемого в основном с

¹ Под «рамочной основой» понимается предоставление не менее 40% от численности личного состава, единиц вооружений и военной техники, а также принятие на себя управления многонациональной группировкой.

территории ФРГ) и нанесение с его помощью мощного контрудара. «Острием» ударной группы служила бригада сверхповышенной боевой готовности (*англ.* Very High Readiness Joint Task Force, VJTF) СБР НАТО, «рамочную основу» которой (4,3 тыс. из 5,7 тыс. военнослужащих и командование) составляли силы бундесвера [Trident Juncture., 2018]. Показательно, что для проведения «Trident Juncture 18» Германия предоставила второй по численности (после самой Норвегии) контингент – 8,8 тыс. военнослужащих и 4 тыс. (!) единиц боевой и транспортной техники [Ibid.], существенно опередив США и Великобританию по этим показателям. По сути в ходе «Trident Juncture 18» была апробирована военно-логистическая цепочка между ФРГ и Норвегией, т.е. проверена возможность быстрого развертывания значительных масс войск и военной техники бундесвера в Северной Европе, в том числе для их потенциального использования в Арктике. При этом Германия, в отличие от США, не стала участвовать в развертывании ротационного военного присутствия на севере Норвегии (Финнмарк) вблизи границы с РФ.

Таким образом, Германия, с одной стороны, стремится избежать излишне провокационных шагов военного характера в отношении России, с другой – постепенно увеличивает свой потенциал в НАТО – как в абсолютном, так и относительном (удельном) измерении, в т.ч. по сравнению с США.

По мнению автора, осторожность ФРГ в вопросах использования бундесвера в Восточной Европе в 2014–2015 гг. объяснялась тем, что это был период *становления конфронтации* Запада и России, и для него было характерно наиболее острое восприятие сторонами сколько-нибудь значимых мер в отношении друг друга, особенно в военной сфере. По мере перехода противоборства сторон в *затяжную стадию* остроты восприятия даже масштабных мер оппонента снижалась, что давало Германии возможность с 2016–2017 гг. приступить к реализации планов по наращиванию потенциала бундесвера.

При этом уже в сентябре 2014 г. (на Уэльском саммите НАТО) ФРГ на 12-месячный срок приняла на себя основную нагрузку (т.е. по сути стала «рамочным государством») в деле комплектования СБР – к концу 2015 г. их численность была увеличена с 15 тыс. до

40 тыс. военнослужащих. На практике значимость СБР НАТО, выполняющих роль второго (ударного высококомобильного) эшелона войск Альянса в Европе, выше, чем значимость СПР; при этом СПР дислоцированы в Восточной Европе, а СБР в основном (за исключением учений) – в глубине территорий стран – участниц блока. С 1 января 2019 г. Германия досрочно вновь приняла на себя роль «рамочного государства» в деле комплектования СБР (хотя в рамках очередности ее срок подходил в 2021/2022 гг.) [NATO Response.., 2019].

Еще одна причина достаточно медленного наращивания практического вклада ФРГ в развитие НАТО – сложность разворота на 180° «военной машины» страны. На протяжении 25 лет после окончания «классической» холодной войны Германия постоянно сокращала численность личного состава, количество единиц вооружений и военной техники (ВиВТ). Основной упор в реформировании бундесвера делался на создание относительно немногочисленных (в планах – до 35 тыс., в реальности – около 10 тыс.) сил кризисного реагирования (СКР), предназначенных для решения широкого спектра задач вне зоны ответственности НАТО. Соответственно, весьма затратное оснащение и использование СКР (что было одной из важных составляющих в продвижении ФРГ к положению полновесного глобального игрока) осуществлялось за счет последовательного сокращения сил общего назначения.

Лишь в 2017–2018 гг. Министерство обороны приняло план перспективного (до середины 2030-х годов) развития вооруженных сил ФРГ, который предполагается осуществить в три этапа. В ходе *первого этапа* (2019–2023) в составе бундесвера появится «тяжелое» соединение, выполняющее роль наземного «ядра» VJTF на постоянной основе [Bundeswehr-Pläne.., 2017]. Кроме того, к 2024 г. Германия должна получить возможность самостоятельно комплектовать все компоненты поддержки сухопутной основы VJTF (военно-воздушную, военно-морскую и сил специальных операций (ССО)). В ходе *второго этапа* (2024–2027) на базе 1-й танковой дивизии (две танковые и одна мотопехотная бригады) должны быть созданы еще две «тяжелые» дивизии. Каждая из них будет состоять из трех бригад (не считая частей усиления) и насчитывать 20 тыс. военнослу-

жащих [Bundeswehr-Pläne., 2017]. Люфтваффе (6 воздушных эскадр) должны получить возможность полностью обеспечивать с воздуха развертывание группировок с ведущим участием германских войск и поддерживать их дальнейшие действия. Обе оперативные эскадры бундесмарине (1-я действует в акваториях, прилежащих к территории стран – участниц НАТО, 2-я обеспечивает присутствие в Мировом океане) должны быть значительно усилены (в первую очередь, фрегатами, минными тральщиками и подводными лодками). К середине 2020-х годов эти меры должны позволить ФРГ принимать на себя роль «рамочного государства» при комплектовании и использовании группировок войск Альянса в Европе (как СБР, так и СПР) общей численностью не менее 15 бригад [Neues Fähigkeitsprofil., 2018]. Наконец, в ходе *третьего этапа* (2028–2032) планируется создание еще одной дивизии (от двух до четырех бригад) одновременно с дальнейшим ростом потенциала люфтваффе и бундесмарине. Вновь созданные войска должны увеличить потенциал не только войск общего назначения, но и СКР [Bundeswehr-Pläne., 2017]; соответственно, это должно обеспечить ФРГ положение «рамочного государства» и при развертывании заграничных миссий (в первую очередь, по миротворчеству и поддержанию мира, военно-тренировочной деятельности) под эгидой не только НАТО, но и ЕС, ООН, ОБСЕ, т.е. вне зоны ответственности Альянса.

Безусловно, в процессе реализации этой весьма амбициозной программы ФРГ столкнется с рядом значительных трудностей. Основной проблемой станет достижение количественных параметров – как по личному составу (с учетом неготовности общества к возвращению обязательного призыва на военную службу), так и по числу единиц ВиВТ. Показательно, что перспективная численность бундесвера определена лишь до 2024 г. (198–203 тыс. военнослужащих против 180 тыс. в 2019 г.); варьируется и общее число соединений, которые должны быть созданы: так, сухопутные войска должны получить от 8 до 10 новых бригад (в дополнение к 7 имеющимся) [Ibid.].

Тем не менее есть все основания предполагать, что представленная программа будет реализована. Во-первых, уже к середине 2010-х годов Германия создала «платформу» для построения пер-

спективных вооруженных сил (1-я танковая дивизия и дивизия СБР в сухопутных войсках, а также 1-я и 2-я оперативные эскадры бундесмарине), способных эффективно решать широкий спектр задач, связанных как с обеспечением территориальной обороны, так и с деятельностью вне зоны ответственности НАТО. К началу 2030-х годов ФРГ должна возвести на этом «фундаменте» полноценное здание. В ходе двух первых этапов реорганизации бундесвера акцент будет сделан на увеличении потенциала сил общего назначения, в ходе третьего этапа – СКР. При этом все соединения бундесвера – как имеющиеся, так и вновь создаваемые – должны стать межвидовыми (т.е. в них увеличится удельный вес непрофильных войск), насыщенными автоматизированной техникой (в первую очередь, БПЛА), что существенно повысит боевую ценность каждого отдельного соединения. Во-вторых, перевод промышленности ФРГ на новые рельсы в рамках концепции «Индустрия 4.0» в технологическом плане дает возможность для качественного рывка вперед; в перспективе это позволит существенно удешевить себестоимость одной единицы военной продукции и расширить линейку модификаций различных видов ВВТ. Основной платформой для углубления перекрестной технико-технологической кооперации между странами – участниками ЕС и НАТО должен стать механизм Постоянного структурированного сотрудничества по вопросам безопасности и обороны (*англ.* Permanent Structured Cooperation, PESCO), запущенный по инициативе германо-французского тандема в ноябре 2017 г.

На первый взгляд, современная ремилитаризация ФРГ схожа с одноименным процессом 1955 – конца 1960-х годов. Однако между ними существуют значительные различия как военного, так и политического характера. Стремление ФРГ к положению «рамочного государства» при комплектовании СПР, СБР и СКР (в последнем случае – не только под эгидой НАТО) неизбежно приведет к конкуренции с США. Парадокс ситуации состоит в том, что формально, увеличивая свои военные расходы, численность войск, повышая практический вклад в обеспечение НАТО, официальный Берлин идет навстречу требованиям администрации Д. Трампа. Но в результате наблюдается обратный эффект – значимость США

в обеспечении безопасности Германии и ее европейских партнеров снижается. Так, исходя из представленных планов, уже к середине 2020-х годов ФРГ будет способна развернуть сопоставимое с США военное присутствие в Восточной Европе (одна «тяжелая» бригада и до двух батальонных тактических групп).

При этом нужно отметить, что сам Белый дом в настоящее время сталкивается с определенными трудностями в вопросе наращивания своего военного присутствия в Европе, в т.ч. Восточной. Это обусловлено не только нежеланием идти на дальнейшее ухудшение отношений с РФ, но и необходимостью выделения существенных сил для сдерживания КНР в АТР. Однако на практическом уровне – вопреки декларациям Д. Трампа – Белый дом отнюдь не стремится к уменьшению своего военного присутствия в Европе. Так, в преддверии Брюссельского саммита НАТО (11–12 июля 2018 г.) Д. Трамп заявил о возможности частичного вывода воинского контингента США из Германии в Польшу. Однако в 2019 г. Белый дом не поддержал идею строительства «Форта Трампа» (военной базы дивизионного масштаба) на территории РП; более того, к 2021 г. планируется увеличить контингент войск США в Германии на 1,5 тыс. военнослужащих (т.е. до 35 тыс.) [US military..., 2018]. Это, с одной стороны, подтверждает тезис о том, что собственные ресурсы США для использования в Европе достаточно ограничены; с другой – что в реальности Белый дом не готов уменьшать свое военное присутствие в ФРГ.

С начала 1960-х годов, когда было создано «ядро» бундесвера, и до окончания «классической» холодной войны соотношение войск США и самого бундесвера в Западной Германии было 1:2 [Fleckenstein, 1990, S. 4], что лишний раз подчеркивало значимость вклада Белого дома в обеспечение обороны государства-партнера. В реалиях 2019 г., согласно расчетам автора, это соотношение выглядит как 1:5, а в дальнейшем может измениться до 1:7–8. Безусловно, сейчас Германия, в отличие от стран Восточной Европы, не прилегает к границе зоны ответственности НАТО. Однако именно территория ФРГ выступает районом разворачивания второго (т.е. ударного, наиболее мощного) стратегического эшелона войск Альянса в Европе, и отказ США от участия в его комплектовании нанес

бы сильнейший удар по самой идее трансатлантической солидарности, и без того подвергшейся существенной эрозии (в идеологическом плане) при Д. Трампе. Сокращение воинского контингента США в ФРГ после окончания «классической» холодной войны проходило при одновременной редукции всех количественных параметров бундесвера, а потому выглядело вполне естественно. Качественно иная ситуация сложилась к концу 2010-х годов. Сейчас даже частичное свертывание военного присутствия США в Германии будет свидетельствовать о достижении ФРГ стратегической автономии от Белого дома в военно-политической области. Показательно, что в реалиях новой холодной войны, в отличие от «классической», официальный Берлин ни разу не поставил перед заокеанским партнером вопрос об усилении его военного контингента на своей территории. Германская сторона во главе с канцлером А. Меркель аккуратно, но последовательно противится принятию тех параметров роста своего военного потенциала (т.е. установленной скорости и заранее определенных промежуточных результатов), которые ей пытается навязать администрация Д. Трампа. К 2024 г. ФРГ планирует увеличить расходы на оборону с нынешних 1,24% до примерно 1,5% (58–60 млрд евро) [Neues Fähigkeitsprofil., 2018] вопреки требованиям Белого дома о выходе на уровень 2% от ВВП (как было установлено на Уэльском саммите 2014 г.). В ходе Брюссельского саммита (2018) ФРГ, опираясь на помощь государств – партнеров по НАТО (в том числе из Восточной Европы), сумела отклонить требования Д. Трампа об увеличении этого показателя до 4% [Brussels Summit., 2018].

С точки зрения автора, все вышеизложенное свидетельствует о стремлении ФРГ укрепляться в роли второго, параллельного США центра притяжения в евро-атлантической региональной подсистеме.

Подтверждением этому являются и действия официального Берлина по урегулированию вооруженного конфликта на Украине. После запуска Белым домом профильной миссии спецпредставителя президента США по Украине К. Волкера (2017) германо-французский тандем не отказался от использования «Нормандского формата», несмотря на очевидные трудности с реализацией

«Минска-2». Инициатива В.В. Путина (от 5 сентября 2017 г.) о размещении миротворческого контингента ООН для реальной «заморозки» конфликта прорабатывалась параллельно и по линии «Нормандской четверки», и в рамках диалога Россия – США. И хотя эти переговоры пока не привели к практическим результатам, официальный Берлин, продолжая действовать автономно от Соединенных Штатов, стремится (совместно с Францией) оказывать давление на власти Украины с целью минимизации насилия в зоне конфликта. Особое значение имели усилия Германии в преддверии президентских выборов 31 марта 2019 г. (в условиях потери электоральной поддержки П. Порошенко). По мнению автора, в этой связи был весьма символичен телефонный разговор А. Меркель с президентом Украины сразу после первого тура: поздравив П. Порошенко с выходом во второй тур [Bundeskanzlerin., 2019], канцлер тем самым поблагодарила киевские власти за отказ от попыток масштабных провокаций на юго-востоке страны.

В реалиях новой холодной войны запараллеливание усилий ФРГ и США в политико-военной области просматривается и на других географических направлениях.

Политико-военные усилия ФРГ в «третьих странах» в реалиях новой холодной войны

Ключевой областью военно-политической кооперации ФРГ с США вне зоны ответственности НАТО продолжает оставаться афганское направление. Здесь стоит отметить, что если в начальной стадии операции «Решительная поддержка» (англ. «Resolute Support») (с января 2015 г.), по сравнению с предшествовавшей операцией МССБ (2002–2014), наблюдалось сокращение германского военного присутствия в Афганистане (с 5000 человек (2012) до 850 человек (2015)), то с 2016 г. начался обратный процесс – наращивание группировки бундесвера [Antrag., 2017, S. 3–4]. В марте 2019 г. ее численность превысила 1,25 тыс. военнослужащих [Anzahl., 2019].

С начала 2000-х годов военный вклад ФРГ в стабилизацию обстановки в Афганистане рассматривался и официальным Берлином, и (де-факто) Белым домом как значимый фактор смягчения

противоречий в двусторонних отношениях. Кроме того, Германия стремилась хотя бы частично сохранить те ограниченные результаты в области урегулирования, которых ей удалось добиться на севере Афганистана в период деятельности МССБ. Во второй половине 2010-х годов движение «Талибан» активизировало свои действия не только в южных и восточных, но и в северных афганских провинциях, считавшихся до середины 2010-х годов относительно спокойными. Значительное ослабление влияния официального Кабула (и дотеле оказывавших ему всемерную поддержку стран Запада) привело к тому, что обстановка в стране стала напоминать ситуацию 2001 г., когда деятельность МССБ лишь начиналась. В этой связи возникает вопрос: какая из двух представленных групп политических факторов более значима для нынешней и перспективной политической линии ФРГ на афганском направлении?

По мнению автора, ясный ответ на этот вопрос был дан в ходе визита министра иностранных дел ФРГ Х. Мааса в Афганистан (11 марта 2018 г.). Большую часть времени он провел в военном лагере Мармаль (гарнизон которого составляют, в основном, подразделения бундесвера) вблизи г. Мазари-Шариф. Глава МИД Германии подчеркнул, что вывод войск неизбежно приведет «к стремительному уничтожению всех результатов, достигнутых за 18 лет», и в подтверждение своих слов упомянул о боях, которые велись в день его приезда всего в 20 км к западу от Мазари-Шарифа [Graw, 2019].

Таким образом, правительство ФРГ продемонстрировало готовность не только сохранить, но и расширить свое военное присутствие в Афганистане, несмотря на декларированный Д. Трампом вывод американских войск из страны (против чего может выступить Конгресс) [Ibid.]. При этом не исключено, что германский контингент, дислоцированный в североафганских провинциях, окажется втянут в интенсивные боевые действия, что противоречит выданному Бундестагом мандату на реализацию несиловых задач (в первую очередь, по консультированию, дообучению, помощи в осуществлении разведки) [Antrag., 2017, S. 4–5]. И даже если формально участие в боестолкновениях можно будет объяснить парламенту реализацией права военнослужащих на самооборону,

то возможные существенные (несколько десятков бойцов и более) безвозвратные потери наверняка вызовут резкую критику в адрес правительства «большой коалиции» как со стороны оппозиции в Бундестаге, так и со стороны германской общественности в целом. Единственным «приемлемым выходом» из ситуации, по мнению Х. Мааса, является поиск путей «мирного сосуществования» с «Талибаном» [Graw, 2019]. Разумеется, поиск компромисса с движением, выдвигающим в качестве предпосылки для переговоров принципиальное условие о выводе из страны всех иностранных войск, крайне труден. Однако визит Х. Мааса продемонстрировал, что ФРГ готова действовать в Афганистане даже после возможного вывода войск США.

Вывод большей части войск США из Сирийской Арабской Республики (САР), декларированный администрацией Д. Трампа в январе 2019 г. [Diamond, Browne, 2019], также не привел к свертыванию участия бундесвера в деятельности западной антитеррористической коалиции в Сирии и Ираке. Это обусловлено в основном тем, что на данном ТВД бундесвер выполняет по сути небоевые задачи – осуществление воздушной разведки (в Сирии), а также обучение воинских контингентов (на иракском севере – формированиях официального Багдада и курдских отрядов пешмерга). При этом на территории самой САР нет пунктов базирования бундесвера – полеты над ее территорией самолеты люфтваффе осуществляют с базы Аль-Ашрак в Иордании [Antrag., 2018, S. 3–6]. Таким образом ФРГ минимизирует риск столкновений с силами коалиции официального Дамаска, РФ и Ирана, сумевшей нанести поражение «Исламскому государству» на территории Сирии и тем самым значительно ослабившей его позиции на иракском ТВД.

В апреле 2019 г. Д. Трамп заявил и о выводе американских войск из ливийского Триполи (на фоне наступления на город войск фельдмаршала Х. Хафтара) [Malsin, 2019]: таким образом, в настоящее время на ливийском направлении США, по сути, теряют военно-политические рычаги влияния на обстановку и оказываются в равном положении с ФРГ. До стабилизации обстановки в стране Германия готова участвовать в урегулировании «ливийской проблемы» лишь в экономическом (точечное предоставление офи-

циальной помощи развитию) и политическом планах, оказывая поддержку международно признанному правительству национального согласия (ПНС). Так, в 2017 г. тогдашний глава МИД ФРГ З. Габриэль дважды – в Триполи, а затем Берлине – проводил переговоры с руководителем ПНС Ф. Сараджем (во второй раз – с участием А. Меркель) [Libyen und Deutschland., 2019]. Однако даже в случае победы сторонников Х. Хафтара (и объединения всей Ливии под их контролем) у Германии будут как минимум сопоставимые с другими державами НАТО возможности для налаживания контактов с новыми ливийскими властями: для этого могут быть использованы прежде всего разветвленные политические контакты с Египтом, значительно активизировавшиеся после прихода к власти А.-Ф. Ас-Сиси. Особенно важно, что, в отличие от Великобритании, Франции и Италии, ФРГ не принимала собственно военного участия в боевой операции 2011 г., проводившейся государствами – партнерами по НАТО с целью свержения режима М. Каддафи, которая де-факто привела к обрушению института государственной власти в стране; соответственно, ФРГ формально не несет ответственности за возникновение «ливийской проблемы».

В середине – второй половине 2010-х годов ключевым направлением приложения военно-политических усилий ФРГ в Африке стала Республика Мали. По завершении боевой операции французских вооруженных сил «Сервал» (январь – май 2013 г.), проводившейся в Мали с целью разгрома основных сил туарегов-сепаратистов и террористических группировок (аффилированных с «Аль-Каидой» и движением «Ансар-ад-Дин»), Германия начала постепенно наращивать масштаб своего участия в урегулировании конфликта. Усилия прилагались по двум основным направлениям: помощь в реорганизации и обучении вооруженных сил Мали (миссия EUTM Mali) и реализация мер по миротворчеству и поддержанию мира (миссия MINUSMA под эгидой ООН, действует совместно с реорганизованной армией Мали). С 2016 г. Германия играет роль «рамочного государства» в комплектовании и деятельности обеих миссий со стороны западных стран. К апрелю 2019 г. суммарно в составе двух миссий находилось до 1,1 тыс. германских военных [Anzahl., 2019]. При этом основные силы миссии MINUSMA

(свыше 80%) составляют контингенты стран – участниц Африканского союза (АС) [Fast facts., 2019]. Таким образом, при урегулировании данного вооруженного конфликта Германия (совместно Францией и рядом других государств-партнеров) сумела наладить работу «треугольника» ООН-ЕС-АС при координирующей роли второго участника. Усилиями контингентов стран – участниц MINUSMA (в том числе германского, действующего в основном в провинциях Гао и Кидаль) удается поддерживать относительное спокойствие на севере Мали, не давая террористическим группировкам пополнить силы и тем более перейти в наступление [Ibid.]. По мнению автора, «малийский проект» ФРГ показывает, что Германия способна составить конкуренцию США в борьбе за влияние в Африке (Белый дом сфокусировал внимание на борьбе с группировкой «Боко Харам» в Нигерии и на прилегающих территориях, однако пока смог добиться лишь отдельных небольших успехов [US gives., 2019]). Тем самым ФРГ показывает свою стратегическую автономность на том географическом направлении, где деятельность Боннской республики в годы «классической» холодной войны в принципе исключалась.

ФРГ демонстрирует стратегическую самостоятельность и в ходе развития кризисной ситуации в Венесуэле. С одной стороны, Германия совместно с западными государствами-партнерами выступает в поддержку оппозиции в целом и персонально Х. Гуайдо. При этом официальный Берлин оказывал последовательную политическую поддержку руководству Национальной ассамблеи Венесуэлы, где ключевая роль принадлежала оппозиции, еще с 2017 г. Так, тогдашний глава МИД ФРГ З. Габриэль, указывая, что «парламент – это сердце демократии», подчеркивал, что законодательная власть и президент не вправе предпринимать жесткие действия в отношении оппонентов [Außenminister Gabriel., 2017]. Однако по сравнению с Белым домом официальный Берлин оказывает содействие Х. Гуайдо в значительно меньшей степени. В марте 2019 г. ФРГ признала Х. Гуайдо временным президентом Венесуэлы. В ответ германский посол в Венесуэле был объявлен персоной нон гра. Официальный Берлин достаточно сдержанно отреагировал на это решение, отметив, что планировал отозвать своего полномоч-

ного представителя для консультаций [Außenminister Maas., 2019]. Вскоре в Берлине был принят уполномоченный от Х. Гуайдо О. Гебузар; однако власти ФРГ признали его лишь в качестве «представителя временного президента Венесуэлы», отказав в аккредитации в статусе посла [Bundesregierung., 2019]. Таким образом, власти ФРГ занимают выжидательную позицию, сохраняя пространство для маневра (в том числе – для контактов с Россией) по венесуэльской тематике.

На этом фоне весьма показательно отсутствие реакции Германии на заявление Д. Трампа, сделанное по итогам переговоров с вновь избранным президентом Бразилии Ж. Болсонару, в котором хозяин Белого дома отметил в числе прочего, что поддерживает идею вступления Бразилии в НАТО [Trump says., 2019]. На первый взгляд, учитывая высокий уровень сотрудничества ФРГ с официальным Бразилиа (в т.ч. запуск в августе 2015 г. формата межправительственных консультаций, сопровождавшийся визитом в Бразилию А. Меркель), подобная позиция германских властей должна вызывать вопросы. Однако, напротив, она является вполне логичной. Во-первых, потенциальное вступление Бразилии в Альянс с высокой долей вероятности приведет к возникновению у нее особых отношений с США в ущерб сотрудничеству с Германией, у которого пока нет необходимого запаса прочности в политической сфере (в отличие от экономической). Во-вторых, ФРГ не поддерживает глобализационные формулы, связанные с выходом НАТО за пределы Европы и Северной Америки, – ни в том, что касается расширения Альянса, ни применительно к его боевой деятельности. Наконец, в-третьих, в ФРГ понимают, что в обмен на содействие, оказанное в деле вступления Бразилии в НАТО, администрация Д. Трампа может потребовать от официального Бразилиа военной поддержки Х. Гуайдо, что чревато началом полномасштабного вооруженного конфликта в Венесуэле и его интернационализацией. В этом случае вполне вероятно возникновение нового очага конфронтации Запада и РФ, что не отвечает интересам ни одной из сторон. По мнению автора, именно это является основной причиной приверженности ФРГ принципу «стратегической взве-

шенности» в кризисных ситуациях, возникающих в Латинской Америке.

* * *

В целом Германия успешно адаптируется к реалиям новой холодной войны, используя сложившуюся политическую ситуацию для расширения своего влияния как в Евро-Атлантическом сообществе, так и в мире. Основными составляющими данного процесса адаптации являются: в военном отношении – глубокая реорганизация бундесвера, а в политическом – очередное переосмысление «собственного я», готовность и способность достичь стратегической автономии. Все это с высокой долей вероятности приведет к увеличению значимости первой компоненты в формуле «конкуренция vs кооперация» во взаимоотношениях ФРГ и США. Уже сейчас Германия стремится стать «рамочным государством» как в деле комплектования и развертывания основных группировок войск НАТО в Европе, так и при урегулировании кризисных ситуаций за пределами зоны ответственности Альянса. Отстаивая свои интересы, официальный Берлин стремится к запараллеливанию усилий с Белым домом (Украина, Мали / Нигерия), демонстрирует самостоятельность в чувствительных вопросах (Афганистан, Венесуэла).

ФРГ движется от положения ведомой страны, какой она была в годы «классической» холодной войны, к статусу ведущей, т.е. полновесного глобального игрока. Укреплению позиций Германии способствует ее своеобразная «визитная карточка» в этом процессе – приверженность принципу стратегической сдержанности (взвешенности), что, в частности, облегчает достижение договоренностей между РФ и ФРГ по некоторым (в перспективе – довольно многим) вопросам в сфере международной безопасности.

Литература

Antrag der Bundesregierung: Einsatz bewaffneter deutscher Streitkräfte zur nachhaltigen Bekämpfung des IS-Terrors und zur umfassenden Stabilisierung Iraks / Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode; Drucksache 19/1093. – Berlin, 2018. – 07.03. – 12 S. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/19/010/1901093.pdf> (Date of access – 14.07.2019).

Antrag der Bundesregierung: Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support für die

Ausbildung, Beratung und Unterstützung der afghanischen nationalen Verteidigungs- und Sicherheitskräfte in Afghanistan / Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode; Drucksache 19/21. – Berlin, 2017. – 25.10. – 8 S. – Mode of access: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btd/19/000/1900021.pdf> (Date of access – 14.07.2019).

Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr // Statista. – Berlin, 2019. – 25.03. – Mode of access: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (Date of access – 14.07.2019).

Aurora 17: Stronger defence together // Forsvarmakten. – Stockholm, 2017. – Mode of access: <https://www.forsvarsmakten.se/en/activities/exercises/aurora-17/> (Date of access – 14.07.2019).

Außenminister Gabriel zum Angriff auf die venezolanische Nationalversammlung / Auswärtiges Amt. – Berlin, 2017. – 06.07. – Mode of access: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Meldungen/2017/170706_BM_Venezuela_Angriff_Nationalversammlung.html (Date of access – 14.07.2019).

Außenminister Maas zu Venezuela / Auswärtiges Amt. – Berlin, 2019. – 06.03. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/aussenminister-maas-venezuela/2197094> (Date of access – 14.07.2019).

Brussels Summit declaration / NATO. – Brussels, 2018. – 11.07. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (Date of access – 14.07.2019).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem ukrainischen Präsidenten Petro Poroschenko / Bundesregierung. – Berlin, 2019. – 01.04. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-kanzlerin-mit-dem-ukrainischen-praesidenten-petro-poroschenko-1596634> (Date of access – 14.07.2019).

Bundesregierung erkennt Guaidó-Gesandten nicht als Botschafter an // Zeit. – Berlin, 2019. – 27.03. – Mode of access: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2019-03/bundesregierung-juan-guaido-diplomat-venezuela-botschafter> (Date of access – 14.07.2019).

Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei volle Divisionen bekommen / Deutscher Bundeswehr Verband. – Berlin, 2017. – 19.04. – Mode of access: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (Date of access – 14.07.2019).

Daniels L. Die Handelspolitik der US-Regierung / Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin, 2018. – 8 S.

Diamond J., Browne R. Trump agrees to keep about 400 US troops in Syria, official says // CNN. – Wash., D.C., 2019. – 23.02. – Mode of access: <https://edition.cnn.com/2019/02/22/politics/syria-us-troops-donald-trump/index.html> (Date of access – 14.07.2019).

Fast facts: Uniformed personnel / UN. – N.Y., 2019. – 28.02. – Mode of access: https://minusma.unmissions.org/sites/default/files/03-19_fast_fact_en_final.pdf (Date of access – 14.07.2019).

Fleckenstein B. Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland: Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten. – München, 1990. – 12 S.

Glatz R.L., Zapfe M. Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO. Die Fähigkeitsplanung der Bundeswehr und das «Framework Nations Concept» / Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin, 2017. – 8 S.

Graw A. Maas setzt auf «friedliche Koexistenz» mit den Taliban // WELT. – Berlin, 2019. – 11.03. – Mode of access: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article190108701/Afghanistan-Heiko-Maas-will-friedliche-Koexistenz-mit-Taliban.html> (Date of access – 14.07.2019).

Libyen und Deutschland: Bilaterale Beziehungen / Auswärtiges Amt. – Berlin, 2019. – 01.06. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/ausenpolitik/laender/libyen-node/bilateral/219634> (Date of access – 14.07.2019).

Malsin J. US removes troops from Libya amid fighting in capital // The Wall Street J. – N.Y., 2019. – 08.04. – Mode of access: <https://www.wsj.com/articles/u-s-removes-troops-from-libya-amid-fighting-in-capital-11554661793> (Date of access – 14.07.2019).

NATO Response Force (NRF) fact sheet / NATO. – Brussels, 2019. – Mode of access: <https://jfcbs.nato.int/page5725819/nato-response-force-nrf-fact-sheet> (Date of access – 14.07.2019).

Neues Fähigkeitsprofil komplettiert Konzept zur Modernisierung der Bundeswehr / Bundesministerium der Verteidigung. – Berlin, 2018. – 04.09. – Mode of access: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/neues-faehigkeitsprofil-der-bundeswehr-27550> (Date of access – 14.07.2019).

Smith A.D. NATO countries begin largest war game in eastern Europe since cold war // The Guardian. – Warsaw, 2016. – 06.06. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/06/nato-launches-largest-war-game-in-eastern-europe-since-cold-war-anaconda-2016> (Date of access – 14.07.2019).

Stöber S. Wenig Resonanz auf Propaganda // Tagesschau. – Hamburg, 2017. – 16.06. – Mode of access: <https://faktenfinder.tagesschau.de/ausland/bundeswehr-litauen-107.html> (Date of access – 14.07.2019).

Trident Juncture: Ein starkes Signal der NATO / Bundeswehr. – Berlin, 2018. – 12.11. – Mode of access: https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/aktuelles/aus_der_truppe/!ut/p/z1/hY7NCoMwEITfKBtTNOIREUEQLbV_yaWEGKzFJhJS6aEP35SCN-keBbn22FAwAWEkfPQsZ9YI8ewc5FcM1YdKrllpDoyjMuqZk1McITZBk5w_oeIYOOVSTG0nQYeMuhqRpNACwLEXc7yhSbr_Kg9kurbEfhNmm7UO6vS3yGAnUbKmsAE9dr4IWjvpLdu-VZP54KDhg44jvIsokun6J0IRZ4SSmleZnuYHgWr67j_ACoOzAU! (Date of access – 14.07.2019).

Trump says strongly considering NATO membership for Brazil // Reuters. – Wash., D.C., 2019. – 19.03. – Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-usa-brazil-nato/trump-says-strongly-considering-nato-membership-for-brazil-idUSKCN1R024O> (Date of access – 14.07.2019).

US gives control center to Niger for Boko Haram operations // The Defence Post. – Wash., D.C., 2019. – 04.02. – Mode of access: <https://thedefensepost.com/2019/02/04/us-niger-boko-haram-operation-center/> (Date of access – 14.07.2019).

US military to send 1,500 more soldiers to Germany by late 2020 // Reuters. – Wash., D.C., 2018. – 07.09. – Mode of access: <http://www.reuters.com/article/us-usa-military-germany/u-s-military-to-send-1500-more-soldiers-to-germany-by-late-2020-idUSKCN1LN299> (Date of access – 14.07.2019).

DOI: 10.31249/ape/2020.01.05

Trunov Ph.O.¹ ©, 2020

Political and military aspects of the changing role of the FRG in Europe and the world in the context of the new Cold War

Abstract. *United Germany significantly increased its influence on the world arena after the end of the «classical» Cold War. The author raises the question of whether the new Cold War will lead to a limitation of the role of Germany in Europe and the world (as in the 1960 s – 1980 s, when the Bonn Republic was led by NATO senior partners) or, on the contrary, will create a*

¹ Trunov Philipp Olegovich – Ph.D. in political sciences, senior researcher, Department of Europe and America, INION RAS, senior researcher, IWH RAS (1 trunov@mail.ru).

«window of opportunity»? The key research methods are comparative analysis and event-analysis.

Since 2018, Germany began to increase its military capabilities, including all the quantitative parameters of the Bundeswehr. This process is long-term with a clear division into three stages until the early 2030 s. The increase of Bundeswehr units will be accompanied by their internal reorganization and deep modernization. Germany seeks to become a «framework nation» in the process of creation of NATO Response Force, Forward Presence Force, as well as military groups of the Alliance in Europe in general. At the same time, Germany continues to play an important role in the peacekeeping and military training missions outside the area of NATO responsibility, including missions under the auspices of the UN and the EU. The implementation of these measures will help to strengthen the position of Germany as a parallel to the USA center of political gravity in NATO and in the Euro-Atlantic regional subsystem in general.

In this regard, the article analyses the degree of efforts' coordination between Germany and the USA in the sphere of resolving major armed conflicts and crises situations. The paper traces the tendencies of parallelizing the efforts of both countries, with elements of competition (Ukraine, Mali/Nigeria), as well as increasing independence in German political line (Afghanistan, Syria, Libya, Venezuela).

It is concluded that Germany is capable of successfully expanding its influence in the realities of the new Cold War, both in Europe and the world.

Keywords: Germany, Cold War, Bundeswehr, NATO, Europe, armed conflicts, the USA.

References

Antrag der Bundesregierung: Einsatz bewaffneter deutscher Streitkräfte zur nachhaltigen Bekämpfung des IS-Terrors und zur umfassenden Stabilisierung Iraks. (2018) / Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode; Drucksache 19/1093. – Berlin. – 07.03. – 12 S. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/19/010/1901093.pdf> (Date of access – 14.07.2019).

Antrag der Bundesregierung: Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support für die Ausbildung, Beratung und Unterstützung der afghanischen nationalen Verteidigungs- und Sicherheitskräfte in Afghanistan. (2017) / Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode; Drucksache 19/21. – Berlin. – 25.10. – 8 S. – Mode

of access: <http://dipbt.bundestag.de/doc/btd/19/000/1900021.pdf> (Date of access – 14.07.2019).

Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr. (2019) // Statista. – Berlin. – 25.03. – Mode of access: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (Date of access – 14.07.2019).

Aurora 17: Stronger defence together. (2017) // Forsvarmakten. – Stockholm. – Mode of access: <https://www.forsvarmakten.se/en/activities/exercises/aurora-17/> (Date of access – 14.07.2019).

Außenminister Gabriel zum Angriff auf die venezolanische Nationalversammlung. (2017) / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 06.07. – Mode of access: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Meldungen/2017/170706_BM_Venezuela_Angriff_Nationalversammlung.html (Date of access – 14.07.2019).

Außenminister Maas zu Venezuela. (2019) / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 06.03. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/aussenminister-maas-venezuela/2197094> (Date of access – 14.07.2019).

Brussels Summit declaration. (2018) / NATO. – Brussels. – 11.07. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (Date of access – 14.07.2019).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem ukrainischen Präsidenten Petro Poroschenko. (2019) / Bundesregierung. – Berlin. – 01.04. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-kanzlerin-mit-dem-ukrainischen-praesidenten-petro-poroschenko-1596634> (Date of access – 14.07.2019).

Bundesregierung erkennt Guaidó-Gesandten nicht als Botschafter an. (2019) // Zeit. – Berlin. – 27.03. – Mode of access: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2019-03/bundesregierung-juan-guaido-diplomat-venezuela-botschafter> (Date of access – 14.07.2019).

Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei volle Divisionen bekommen. (2017) / Deutscher Bundeswehr Verband. – Berlin. – 19.04. – Mode of access: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (Date of access – 14.07.2019).

Daniels L. (2018). Die Handelspolitik der US-Regierung / Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin. – 8 S.

Diamond J., Browne R. (2019). Trump agrees to keep about 400 US troops in Syria, official says // CNN. – Wash., D.C. – 23.02. – Mode of access: <https://edition.cnn.com/2019/02/22/politics/syria-us-troops-donald-trump/index.html> (Date of access – 14.07.2019).

Fast facts: Uniformed personnel. (2019) / UN. – N.Y. – 28.02. – Mode of access: https://minusma.unmissions.org/sites/default/files/03-19_fast_fact_en_final.pdf (Date of access – 14.07.2019).

Fleckenstein B. (1990). Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland: Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten. – München. – 12 S.

Glatz R.L., Zapfe M. (2017). Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO. Die Fähigkeitsplanung der Bundeswehr und das «Framework Nations Concept» / Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin. – 8 S.

Graw A. (2019). Maas setzt auf «friedliche Koexistenz» mit den Taliban // WELT. – Berlin. – 11.03. – Mode of access: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article190108701/Afghanistan-Heiko-Maas-will-friedliche-Koexistenz-mit-Taliban.html> (Date of access – 14.07.2019).

Libyen und Deutschland: Bilaterale Beziehungen. (2019) / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 01.06. – Mode of access: <https://www.auswaertigesamt.de/de/ausenpolitik/laender/libyen-node/bilateral/219634> (Date of access – 14.07.2019).

Malsin J. (2019). US removes troops from Libya amid fighting in capital // The Wall Street J. – N.Y. – 08.04. – Mode of access: <https://www.wsj.com/articles/u-s-removes-troops-from-libya-amid-fighting-in-capital-11554661793> (Date of access – 14.07.2019).

NATO Response Force (NRF) fact sheet. (2019) / NATO. – Brussels. – Mode of access: <https://jfcbs.nato.int/page5725819/nato-response-force-nrf-fact-sheet> (Date of access – 14.07.2019).

Neues Fähigkeitsprofil komplettiert Konzept zur Modernisierung der Bundeswehr. (2018) / Bundesministerium der Verteidigung – Berlin. – 04.09. – Mode of access: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/neues-faehigkeitsprofil-der-bundeswehr-27550> (Date of access – 14.07.2019).

Smith A.D. (2016) NATO countries begin largest war game in eastern Europe since cold war // The Guardian. – Warsaw. – 06.06. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/06/nato-launches-largest-war-game-in-eastern-europe-since-cold-war-anaconda-2016> (Date of access – 14.07.2019).

Stöber S. (2017). Wenig Resonanz auf Propaganda // Tagesschau. – Hamburg. – 16.06. – Mode of access: <https://faktenfinder.tagesschau.de/ausland/bundeswehr-litauen-107.html> (Date of access – 14.07.2019).

Trident Juncture: Ein starkes Signal der NATO. (2018) / Bundeswehr. – Berlin. – 12.11. – Mode of access: https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/aktuelles/aus_der_truppe/!ut/p/z1/hY7NCoMwEITfKBtINOIREUEQLbV_yaWEGKzFJhJS6aEP35SCN-keBnbn22FAwAWekfPQSz9YI8ewc5FcM1YdKrIlpDoyjMuqZk1McITZBk5w_oeIYOOVSTG0nQYeMuhqRpNACwLEXc7

yhSbr_Kg9 kurbEfhNmm7 UO6 vS3 yGAnUbKmsAE9 dr4 IWjvpLdu-VZP54 K
Dhg44 jvlsokun6 J0 lRZ4 SSmlEznuYHgWr67 j_ACoOzAU! (Date of access –
14.07.2019).

Trump says strongly considering NATO membership for Brazil. (2019) // Reuters. – Wash., D.C. – 19.03. – Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-usa-brazil-nato/trump-says-strongly-considering-nato-membership-for-brazil-idUSKCN1R024O> (Date of access – 14.07.2019).

US gives control center to Niger for Boko Haram operations. (2019) // The Defence Post. – Wash., D.C. – 04.02. – Mode of access: <https://thedefensepost.com/2019/02/04/us-niger-boko-haram-operation-center/> (Date of access – 14.07.2019).

US military to send 1,500 more soldiers to Germany by late 2020. (2018) // Reuters. – Wash., D.C. – 07.09. – Mode of access: <http://www.reuters.com/article/us-usa-military-germany/u-s-military-to-send-1500-more-soldiers-to-germany-by-late-2020-idUSKCN1LN299> (Date of access – 14.07.2019).